

Анатолий Шацев

МАМА

Зорька медленно шла по зеленой траве, такой сочной, вкусной, пахучей. Запахи полевых трав, особенно люцерны, клевера, тимофеевки, эти милые, родные запахи, всегда приятно щекотали ей ноздри.

Но сейчас эти травы уже не радовали ее. Сейчас ее уже ничего не радовало, потому что у Зорьки пропала Муля.

***

Мулей звали ее дочку, маленькую телочку, которой едва исполнился месяц. Она родилась черная с белыми пятнами, а сама Зорька была бурая, с белым пятном на левом боку и на лбу.

Муля стала для Зорьки абсолютным счастьем. Дочка вышла из матери легко, с небольшой помощью Семена. Семен являлся хозяином хутора недалеко от поселка Марьинка. Он положил новорожденную рядом с матерью, которая стала заботливо вылизывать телочку. Затем Семен обтер ее старым полотенцем, и оставил рядом с матерью, устало лежавшей на соломе. Телочка потянулась губами к материнским соскам, и Семен улыбнулся:

— Вот и ладушки! Зоренька моя, теперь у тебя есть Муля, запомни, Муля! Му-у-ля, кумекаешь?

Зорька поняла, что Муля — это имя ее дочери. И нежно протянула:

— Му-у-ля!

***

Зорька шла по траве, и у нее болело всё тело. Болели жгучие ранки на спине и на боках, появившиеся после Грохота. Мухи и оводы пили кровь из этих ранок. Ноги выше копыт кровоточили и болели, левое переднее колено распухло и болезненно ныло, и идти было трудно. А ещё болело вымя, переполненное молоком, большое вымя, которое теперь некому было освободить.

Но главной болью Зорьки стала пропажа Мули. Мама всё время думала о ней. Ведь малышка хочет есть, ищет маму, ищет губами мамины соски, а мамы нету! Когда Зорька думала об этом, из ее глаз текли слезы.

***

Их разлучил Грохот.

В тот день мать и дочь паслись вместе на лужайке недалеко от дома Семена, потому что в общее сельское стадо вместе с Зорькой Муле идти было еще трудно, Муля бы тогда очень уставала. А вот пастись с мамой недалеко от дома было в самый раз. Зорька всё время поднимала голову, ища Мулю глазами, и видела, как дочка нежными своими губёнками пытается щипать травку. Зорька, глядя на дочь, улыбалась. Хотя со стороны это было и незаметно, но она действительно улыбалась. Иногда Зорька нежно говорила «Муу-ля», и слышала в ответ: «Ма-ма!»

В небе грохотало уже давно, и хозяин Семен последнее сильно нервничал. Но, как и прежде, он каждый день выводил их на лужок минутах в десяти от дома, недалеко от небольшого оврага, в котором тек маленький ручей. У оврага Семен поставил легкую плетеную изгородь, просто, чтоб коровы знали, что туда нельзя. Зато у изгороди трава росла сочнее, и коровам очень нравилось её щипать.

Однажды раздался особенно сильный Грохот, и Зорька вдруг потеряла себя – земля и небо закрутились вокруг нее, сверху падали комья земли, больно били по всему телу, она упала и сильно ударилась, и зазвенело в ушах. Что с ней самой, и где Муля? Зорька ничего этого не понимала. Несколько раз она пыталась встать и падала, но, наконец, поднялась на ноги. Лишь две мысли мучительно вертелись в голове у коровы – где она находится, и где Муля?

— Муу-ля, Муу-ля, — звала Зорька, но никто не отвечал ей.

Зорька увидела, что оказалась в большой яме, на дне которой виднелся ручей, и ей очень захотелось пить. Она проковыляла к ручью, и его запах напомнил ей, что так же пах овраг недалеко от дома хозяина. Тогда Зорька поняла, что после Грохота она упала в этот овраг.

Но где же, где же Муля? Она, наверное, осталась там, наверху? Может, она там щиплет траву, и с ней всё в порядке? Да, конечно, конечно, она осталась наверху, решила Зорька. Но ведь Муля еще совсем кроха, ей еще рано есть одну траву, очень скоро она проголодается, быть может прямо сейчас, она ищет маму, плачет, а мамы—то нет, мама пропала! Надо поскорее найти Мулю и накормить ее, думала Зорька, а для этого надо побыстрее выбраться из оврага.

Зорька заметалась туда-сюда, не понимая, как и куда ей идти. Потом интуитивно догадалась, что идти надо в ту сторону, откуда течет ручей, и это оказалось правильным. В той стороне стёны оврага стали отлогими, и Зорька, хоть и с трудом, выбралась наверх.

Теперь ей хотелось передохнуть, а еще её жгли болячки по всему телу, и кусали оводы. Она чувствовала себя плохо, но лишь одна главная мысль мучила Зорьку — надо найти Мулю. Где же Муля? Может, она не нашла маму и отправилась домой? Тогда корова побрела в сторону дома своего хозяина Семена. Где-то квохтали куры, земля оказалась усыпана перьями. Она обошла дом кругом, призывно мыча, но не услышала никакого отклика. Заглянула в хлев, но и там оказалось пусто.

Искать, искать Мулю! Куда доченька могла деться, куда она могла пойти? — думала Зорька. Почему-то теперь она решила идти в ту сторону, где вдалеке виднелась светлая башня, и оттуда по утрам доносились звуки машин. Там, наверно, пасется Зорькино стадо, куда она сама ходила раньше, и знакомые коровы могут знать, где Муля. Может, они ее видели, или она как-то к ним прибилась?

Таковы были несложные, но важные коровьи размышления, и она двинулась по полям и перелескам, время от времени мыча, надеясь услышать голос дочки. Иногда она щипала траву, и отдыхала.

***

Зорька давно чувствовала, что у людей происходит что-то плохое. Часто слышны Грохоты разных видов и разной силы, иногда она чувствовала странные запахи, совсем не похожие на знакомые запахи растений или животных. А сейчас она нередко стала наткаться на тела животных, и ей становилось очень неприятно, она старалась уходить от них быстрее. Ей становилось очень страшно, когда в поле она видела мертвых животных и людей, и она старалась быстро уйти.

Еще Зорька заметила необычные большие «цветки», серо-зеленого цвета, и изредка — темно-красноватые. Инстинктивно она быстро научилась опознавать их по цвету и по чужому запаху, и старательно обходила, потому что безошибочно чувствовала, что они несут смерть. А вдруг и Муля погибла? Зорька старалась не думать об этом, Мулю надо обязательно искать и найти! Это материнское чувство заполняло Зорьку всю.

Ноги шли сами, несли ее по полям, она мычала, вслушиваясь и ожидая ответа, ела траву, пила из луж и ямок, спала где придется, старательно обходила «цветки», яростно отмахивалась хвостом от мучивших ее оводов, и думала о том, какое же это будет счастье, когда она встретит Мулю. Ведь она такая прекрасная!

***

Территория животноводческого предприятия «Рассвет» по большей части представляла собой пастбища для многочисленных стад. Она подверглась артиллерийскому и минометному обстрелу внезапно, а потом и бомбардировке с беспилотников, при этом погибли несколько человек, а также много коров и телят. Многие животные разбежались, иные покалечились, или позже погибли от голода. Другие же, голодные и израненные, как-то сумели сами добраться до своих ферм. Многих ловили и приводили к фермам люди.

Но через несколько дней на поля начали падать серо-зеленые мины «лепесток», они не взрывались сразу, а ждали, подло притаившись в зеленой траве, чтобы внезапно поражать свои жертвы. Люди, искавшие в полях заблудившихся животных, и сами эти животные нередко погибали, случайно натываясь на эти «лепестки». Поэтому скоро люди перестали выходить на поля, и в итоге весь оставшийся там скот погиб.

***

Операторы разведывательных беспилотников видели теперь на просторах совхоза «Рассвет» только одно живое существо, буренку с белым пятном на боку. Она бесстрашно бродила по полям и мычала, и все восхищались ее живучестью, ее удивительной способностью проходить по минным полям. Двигалась она хаотично, иногда описывая странные запутанные линии, но в целом продвигалась на восток.

Эти разговоры дошли до Семена, ведь он был знаком с некоторыми военными, и он по их фотоснимкам опознал Зорьку, хоть и не сразу.

— Мулю свою она ищет, телочку, чуть больше месяца ей, вот беда, — мрачно объяснял Семен знакомым, — а кто ж его знает, куда та Муля запропала? Я после того обстрела полдня пролежал без памяти, и потом еще долго еле соображал. Контузия, что ли. Один мой сарай наполовину рухнул. По следам я потом понял, что Зорька оказалась в овраге, потом как-то выбралась из него, а вот Муля куда делась, малышка эта — ума не приложу.

Семен собирался идти искать Зорьку в полях и забрать её домой, но его отговорили знакомые бойцы:

— Не дури ты, Сёма, нам потом тебя по частям будет не собрать.

Да Семен и сам это понимал, но уж больно жалко ему было и маму, и дочку.

— А Зорька твоя молодчина, как она все мины обошла? Это класс, — говорили ему, — только саперы так могут с миноискателем, а эта сама чувствует. Во дает!

***

День за днем Зорька брела по бесконечным полям, с постепенно исчезающей надеждой найти свою дочь, почти не обращая внимания ни на что вокруг — ни на камни, ни на канавы, ни на лужи, ни на пригорки, ни на маленькие рощицы, ни на оводов. Лишь только серо-зеленые «лепестки» ее мозг фиксировал бессознательно и направлял к обходу этих смертельных «листьев». Это днем, а ночью, она это хорошо понимала, никуда идти нельзя из-за этих самых «листьев».

Она вставала с зарей и двигалась на восток, и постоянно звала Мулю, уже почти не веря, что услышит ответ.

Но однажды она услышала мычание, и по голосу ей стало понятно, что это молодой бычок, и что ему плохо.

Зорька пошла на этот голос, и увидела черненького бычка, с белым пятнышком на шее, может быть, двух- или трехмесячного, очень худого. Видно было, что у него что-то с задней ногой, как-то неестественно вывернутой. Трава вокруг оказалась выщипана, вероятно, он давно не вставал, объедая те растения, до которых мог достать.

Зорька прилегла к нему так, чтоб он мог дотянуться до её сосков, и он начал их сосать. Молоко у ней давно перестало идти, потому что некому было выпивать у нее это молоко, её вымя уже почти не болело, и она думала, что это хорошо. Но тут она сильно захотела, чтоб молоко снова появилось, потому что маленький бычок выглядел совсем голодным. Она следовала материнскому инстинкту, без всяких глубоких размышлений — просто дать вымя маленькому теленку, который хотел есть.

Он начал сосать, но молоко потекло у Зорьки не сразу, а теленок этого не понимал. Ему очень хотелось пить, и он расстраивался, и всё никак не мог понять, почему у коровы из вымени ничего не льется. Но вскоре Зорька почувствовала, как у ней снова стали набухать соски, и что из них начало

капать молоко. Он стал часто-часто работать губами и языком, и его глаза заблестели от радости утоления голода.

Она чувствовала его шершавый язык, а его зубы иногда больно кусали соски Зорьки. Она помнила, что Муля сосала молоко у ней мягко, нежно, и ее маленький язычок совсем не причинял маме боли, а доставлял ей наслаждение.

Да, теленок не был похож на Мулю, но Зорька снова ощутила тот материнский инстинкт, какой она остро чувствовала после рождения Мули. А теперь этот голодный ребенок отчасти вернул ей это материнское чувство. Она лежала рядом с ним и смотрела на него, на его мордочку, на его движущиеся губы, и ей снова стало хорошо, как тогда, когда она лежала рядом с новорожденной Мулей. Не так сильно, но похоже.

Он долго сосал молоко из ее вымени, а потом заснул. Она смотрела на него, и решила назвать его Черныш. И теперь он станет ей, как сыночек. Она будет ему мамой, а он будет сыночек. Маме нужны детки, а всем деткам, телочкам и теляткам, нужна мама. Как хорошо быть мамой — гораздо лучше, чем быть одной!

Зорька встала, пощипала траву вокруг и частично утолила свой голод, а потом, уже в сумерках, снова прилегла к теленку, чтобы он, когда снова захочет молока, мог быстро найти ее вымя.

Когда встало солнце, она снова покормила своего названного сыночка, и дала ему понять, что им надо идти. Черныш пытался встать, но не получалось, левая задняя ножка его неестественно подворачивалась, он мычал от боли. Зорька старалась лизать ему эту ножку, облегчая боль.

И вот после нескольких попыток, с помощью Зорьки, он как—то сумел встать на три ноги, свою больную ножку он всё время держал почти на весу, лишь изредка опуская ее на траву.

И так они медленно пошли, Зорька впереди, Черныш ковылял сзади, и Зорька всё время оглядывалась, чтоб посмотреть, как он там, и подбодрить его мычанием. Они оба часто останавливались, чтобы отдохнуть и подкрепиться травой, которую Черныш снова стал пощипывать. Проголодавшись, он продолжал сосать ее молоко.

Она заметила, что его больная ножка чуть-чуть окрепла, и он всё чаще начал немножко на нее опираться. Она подумала, что это хорошо, и что это поможет им идти быстрее. Она хотела дойти до белой башни, где, она знала, есть люди, и они, конечно, помогут.

***

В очередной раз оглянувшись, Зорька заметила, что Черныш отклонился куда-то в сторону. Она увидела, что он тянется носом к чему-то, а это оказался зеленый «лепесток», и Черныш хочет потрогать этот предмет своим копытцем. Зорька отчаянно замычала, он повернул к ней голову, но не двинулся с места. Зорька бросилась к теленку и сильно боднула его головой в бок. Черныш отлетел в сторону от «лепестка», и упал. Он жалобно замычал, и с громадным удивлением посмотрел на эту большую корову, которая

только что кормила его, и была так заботлива, которая уже стала для него почти мамой, а тут вдруг он получил такой болезненный удар от нее!

Теленок ничего не понял, он чувствовал боль и обиду, и он заплакал большими слезами, жалобно глядя на Зорьку, не понимая, как ему дальше поступать. Она стала мягко отпихивать его в сторону от опасного места, и помогать встать. Кое-как это удалось, не сразу, но малыш встал, весь дрожа в ожидании новых неприятностей.

Они пошли дальше, и Зорька как-то старалась объяснить Чернышу голосом и жестами, что он должен идти строго за ней. Когда малыш уклонялся от точного следования, она громко мычала, и он скоро понял, что так поступать нельзя.

Утром следующего дня Зорька услышала тихое мычание впереди, и увидела стоявшую серо-белую телочку возраста приблизительно того же, что и Черныш, и тоже очень худую. Зорька подошла к ней и позволила прильнуть к своему вымени, телочка жадно и долго пила, и снова Зорька почувствовала радость, как мать.

Зорька мысленно назвала её Белянка, и ласково смотрела на неё. А Черныш стоял рядом и не сводил глаз с телочки, пока она пила, и изредка мычал ей что-то доброе.

***

Так потом они и шли дальше втроем, медленно, спотыкаясь, и телята следовали за Зорькой, иногда уходя вбок, разбредаясь, и она тогда сердито мычала на них, боясь, что малыши не заметят и набредут на «лепесток». Она всегда старалась первой заметить «лепестки», мычала, подзывая своих «деток», показывала им эти штуковины неприятного грязно-салатного или красноватого цвета со слабым и странным запахом. Зорька давала им понять и голосом, и движениями головы, что эти «лепестки» надо обязательно обходить.

Они шли дальше, и Зорька постоянно оглашала окрестности своим мычанием, надеясь, что может быть, её услышит и Муля,

И действительно, за несколько дней к этой процессии примкнули еще несколько телят, и здоровых, и с разного рода повреждениями, но способных ходить. Видимо, в этой части совхозных полей пасся молодняк, который после начала военных действий потерял своих пастухов. Действительно, несколько раз Зорька видела тела погибших людей и животных. Это выглядело страшно, и тогда она огибала эти места, уводила своё маленькое стадо подальше от мертвых, чтоб не пугать малышей. Кормить их всех молоком Зорька уже не могла, она сама уже стала худеть, но зато могла выбирать места с самой сочной травой.

В результате по полям стала двигаться длинная процессия, из тринадцати маленьких телят и телочек, медленно и извилисто продвигавшаяся в сторону силосной башни совхоза «Рассвет». Зорька всех их постепенно начинала чувствовать своими детьми, всем придумывала свои имена, такие, как Белобокая, Хвостик, Малышка...

***

Наблюдатели ближайших воинских частей, вертолетчики и операторы дронов, видели их. Они знали, что корову зовут Зорька и восхищались ей:

— Во дает Зорька, вот ведь классная буренка! Ведет свой детсад к башне. И ведь не боится, чуйка у нее!

Обращение к командованию насчет помощи выходящему стаду не нашли поддержки. «Мы не можем сейчас заниматься разминированием таких громадных площадей ради нескольких телят. Это очень долго и дорого, а саперов у нас и так мало. Были б это люди, мы могли бы просить о помощи, а так — нет»

***

Телятки ничего этого, конечно, не знали, они просто шли за Зорькой. Они теперь обрели маму, а с ней и свой путь в жизни. Этот путь был прост — они просто шли за ней, своей мамой.

***

Но многие люди в этом прифронтовом районе думали о них, переживали за них, и молились за них, и часто обсуждали удивительную спасательную операцию, которую с материнской любовью и непостижимой интуицией проводила Зорька

В районной газете и в интернете стали ежедневно публиковать карту их извилистого пути, прорисованную на основе данных от военных. Каждый день многие люди смотрели эту карту и обсуждали:

— Ну вот что она там виляет и крутит? Можно же пройти короче! — раздраженно говорили одни.

А другие отвечали:

— Ага, короче! А ты что, забыл, сколько там оврагов? Ручьев? Пригорков? А про мины ты что, забыл? Черт знает, сколько их там насыпано... А телята-то маленькие и глупые...

— Если б только телята,— мрачно ворчали третьи.

— Но Зорька-то, Зорька какова, а! — восхищались уже все. — Вот ведь умница, как она только чует эти чертовы мины!

***

Главной заботой Зорьки стало смотреть, чтоб телята шли друг за другом, приблизительно в одну линию, что им совсем не свойственно. Ей приходилось всё время оборачиваться и строго следить за этим, и когда малыши всё же уходили в сторону, сурово мычать что-то вроде «нельзя!» на коровьем языке.

Иногда попадались перелески из дубов и кленов, или кустарники, куда всё время телята так и норовили забраться, потому что им там было интересно, но вытащить малышей оттуда оказалось трудно, а вот повредить себе что-нибудь там очень легко. И Зорька старалась всё это обходить.

Перед каждым ночлегом Зорька тщательно осматривала место, и давала понять, что с наступлением темноты всем надо ложиться вместе. Так и безопаснее, и теплее, так как, хоть и лето, но ночью становилось прохладно.

***

Однако полностью миновать беду всё же не удалось. Одной из присоединившихся позже телочек являлась малышка с двумя белыми пятнышками на спине, — Зорька так и назвала её «Два пятнышка», — резвая такая, и она Зорьке чем-то напоминала Мулю. Эта резвушка всё время убегала куда-то в сторону, и в конце концов она набрела на свой «лепесток». Раздался взрыв, и все телята испуганно сбились в кучу.

Зорька подошла к несчастной, но та уже, очевидно, умирала, с разорванным животом, обильно истекая кровью, ноги ее судорожно бились в смертельной агонии.

Зорьке было очень больно смотреть на это, но она понимала, что помочь телочке она ничем не сможет. Вскоре «Два пятнышка» затихла, а Зорька вернулась к своему стаду, и промышчала что-то вроде «Идем дальше». «Нечего детишкам смотреть на мертвую», — подумала она.

Зорька шла и думала о Муле. Ведь Муля так же могла наступить на такой же «лепесток», и точно так же умереть в мучениях. И Зорька молча плакала на ходу, и её слёзы падали на траву. А ночью ей тоже снилась Муля, и во сне Зорька тоже плакала. Ей стало сниться, что Муля наступила на лепесток и взорвалась. Зорька вздрагивала от ужаса и просыпалась.

***

За время путешествия Зорька очень устала, у ней почти закончилось молоко, оставалось немножко только для самых слабых телят. Глаза стали видеть хуже, и из них вытекало что-то белое. Ноги болели, особенно выше копыт, и по спине жгли маленькие язвы.

Силосная башня с каждым днем всё приближалась, и Зорька мечтала дойти до нее. Там недалеко от башни ходили люди, и она уже видела их, и они тоже её видели. Значит, там уже нет «лепестков», и она сможет отдохнуть, потому что не будет беспокойства за телят. «Только бы больше никто не погиб. Скоро, скоро мы придем», — думала она.

***

Сам поселок Марьинка и неширокую полосу территории западнее его всё же разминировали приехавшие ненадолго саперы. Остальное же громадное пастбище разминировать у них не имелось никакой возможности и времени. И саперы уехали, сказав на прощанье, что у них море работы, и вернуться они не скоро, и что разминированную территорию надо обязательно отгородить от полей. Сельчане тогда поставили ограждение из частных столбиков с натянутыми между ними красными полосатыми лентами, которые оставили саперы, и всем детям строжайше объяснили, что пролезать под лентами в поле очень опасно.

Удивительно, но очень часто люди почему-то не понимают предупреждения словами. Все думали, что близко к ограждению «лепестков» быть не может. Но это оказалось ошибкой, и один непослушный парнишка подорвался, ему оторвало ступню. Только тогда до многих дошло, что прежняя жизнь кончилась. Всем детям поселка

категорически запретили подходить к ленте ближе, чем на 20 метров, под угрозой большого штрафа родителям. Это подействовало.

***

Стадо медленно приближалось, и его в «Рассвете» ждали со дня на день. Соорудили даже из тонких досок какое-то подобие триумфальной арки, украсив ее цветными тряпками. Вряд ли это произвело бы впечатление на телят, но вот людям это было очень нужно — ведь всем так хотелось праздника в это невеселое время! Тут же бегал журналист районной газеты «Знамя» с камерой.

Зорька видела, что белая башня уже близко, она видела и слышала людей, что кричали и махали руками, и понимала, что конец пути близок, что их ждут и помогут. Она очень устала, исхудала, её мучили язвы на теле, и все время хотелось лечь. Но она понимала, что надо завершить путь, чтоб ничего плохого не случилось, и, как заведенная, всё оглядывалась назад, чтобы прикрикнуть на своих шалунов. Они тоже очень устали, но детство брало своё, и телята всё время затевали игры.

Зорька поняла, что ей надо войти в эти украшенные ворота, и там будет безопасно, но не стала входить первой. Она остановилась у ворот, пропуская телят вперед, чтобы увидеть, что все они прошли, и последними прохромали мимо неё Черныш и его верная подруга Белянка, которая тоже успела поранить себе ножку где-то в пути. Всего через триумфальные ворота прошло двенадцать голов. Вокруг аплодировали.

Вошедших тут же подхватывали люди, гладили, хвалили, кричали разные непонятные телятам слова: «Какие вы молодцы!». Одна из женщин узнала свою телочку и плакала, обняв её. Все телята почувствовали, что их путь окончен.

Зоотехники приготовили для путешественников несколько бидонов питательной смеси из молока, отварных измельченных овощей, витаминов и других добавок, эту смесь разлили по ведрам, поставили перед телятами, и те тут же сунули головы в эти ведра. Каждый спасенный малыш уткнулся в своё, и жадно лакал оттуда питьё. Время от времени он вынимал мордочку из ведра, облизывал губы, счастливыми глазами оглядывал всё вокруг, и снова нагибался к ведру. «Ура, пришли, и много еды!» Люди смотрели на этих худеньких исцарапанных маленьких телят и улыбались, радуясь за них.

Зорька вошла в ворота последней, уже еле переставляя ноги. Все бросились к ней, гладили, даже надели ей на голову венки, что—то кричали ей радостное, вокруг неё озабоченно суетился фотограф со вспышкой. Она не разбирала слов людей, но понимала, что теперь наступила радость, что всё будет хорошо, только ей сначала очень надо отдохнуть. А смотревший на неё ветеринар грустно думал, сколько же у этого бедного животного язв и ран, сколько еще придется её лечить, и какая же она терпеливая, эта героическая корова.

Зорьке дали ведро с едой, она отхлебнула оттуда вкусного и сытного питья, и подняла голову. Она вдруг почувствовала, что ей очень хочется как-то выразить себя, и свою победу.

И вот, она подняла голову и очень громко замычала, заплакала, закричала про своё освобождение от этой боли, от своей тяжелой работы, и про окончание долгого пути. Она мычала очень громко и долго, целую минуту, наверно, и люди вокруг, поначалу даже испугавшиеся этого необычного звука, вдруг сердцами своими поняли это особенное мычание, это торжество матери своих детей.

Все вокруг стали кричать и аплодировать ей, а некоторые женщины вокруг даже плакали. И Зорька поняла, что люди ей благодарны за то, что она сделала. Редко, когда корова удостоивалась таких почестей.

И когда уже она закончила это своё мычание, когда отгремел этот коровий «гимн победы», Зорька вдруг замерла и прислушалась. Ей послышалось другое мычание, более тихое и тонкое, но такое знакомое, и доносилось оно от дверей коровника. Ей показалось, что оно похоже на...

Зорька замерла, а потом, удивив окружающих, резко направилась к коровнику, в дверях которого стояла Муля.

Этого не может быть, думала Зорька, ей померещилось! Столько раз она думала о дочери, думала и днем, и ночью, и уже почти смирилась с тем, что Муля погибла, и вдруг....

Мать и дочь сделали ещё несколько шагов друг к другу, и вдруг Зорька ощутила знакомый запах дочери, такой неповторимый, такой родной и любимый запах. «Это же Муля! Это точно она!»

Радостное волнение ударило в сердце матери с такой силой, что она потеряла сознание, колени подогнулись, и корова упала.

***

Когда несколько недель назад у дома Семена разорвалась мощная бомба, и когда и хозяин, и Зорька лежали без сознания, Муле очень повезло. Ее, такую легкую, отбросило за кусты, где она упала на стожок свежескошенного сена, и этот стожок почти полностью смягчил удар. Она свалилась со стожка почти без повреждений, только с несколькими царапинами и ушибами. Муля помычала в поисках матери, но не дождалась ответа. Ошалев от Грохота, и совсем не умея ориентироваться, она в поисках мамы двинулась куда-то, и оказалась совсем в противоположной от дома стороне.

Вскоре она вышла на дорогу, где увидела группу людей в форме. Это, как потом оказалось, были бойцы, которые что-то чинили в темно-зеленой машине. Они уже заканчивали свою работу, когда на обочине вдруг появилась маленькая телочка, такая милая и смешная, вся в траве и соломе, что солдаты на мгновение даже замолчали.

— Ой, парни, смотрите, какая красотища! — сказал один, и все радостно его поддержали.

— Тут Сёма живет недалеко, это его, наверное, — добавил кто-то. — Надо бы ему отвести эту телочку. Интересно, жив ли он? — ведь так бомбануло...

— Некогда его искать сейчас, мы и так задержались с этой поломкой! — резко ответил сержант. — «Комар» уже звонил, орет, где мы. Надо двигаться срочно.

— Так пропадет же девчонка, такая лапушка...

— А давайте-ка мы ее с собой возьмем, вот сейчас будем проезжать «Рассвет», там ферма у них, и отдадим им. Хоть жива будет. А Сема её потом разыщет.

Телочку быстро запихали в машину, и водитель тут же дал газу. Бойцы по дороге давали ей шоколад, и мазали царапины перекисью. Так Муля оказалась в совхозном коровнике. И каждый день она вспоминала мать, мамулю...

***

Ночью в коровнике на свежей соломе лежали рядом Зорька и Муля. Животных накормили, а все раны Зорьки были уже обработаны ветеринаром и смазаны разноцветными мазями со странными запахами, и эти мази облегчали Зорьке боль

Они лежали, уткнувшись мордами друг в друга, ближе уж некуда. Они лежали и разговаривали своими носами, губами, языками, глазами, ушами, тихонько мычали, всё время рассказывая друг другу что-то бессловесное, но очень-очень важное.

Мама говорила:

— Му-у-ля!

а дочка отвечала:

— Ма-му-у-ля!

Они лежали рядом, самые счастливые на свете. Есть ли на свете бóльшее счастье, чем встреча разлученных сердец?